

**ЦАРСКАЯ ВЛАСТЬ И НАРОДНЫЕ СУДЫ КОЧЕВОГО НАСЕЛЕНИЯ ТУРКЕСТАНА:
ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
(ПО АРХИВНЫМ, ПРАВОВЫМ И ИНЫМ МАТЕРИАЛАМ)**

А.Л. Салиев

Рассматривается практика взаимоотношений царской власти в лице администрации первого туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана и народных судов Туркестана.

Ключевые слова: государство; суд; местная администрация; народные суды.

Проблема взаимоотношений между властью и судом представляется нам неизбежной с точки зрения своей актуальности. Безусловно, при этом мы отчетливо осознаем, что суд является тоже одной из “ветвей” власти, независимой от других – законодательной и исполнительной. Но эта независимость появилась значительно позднее, однако и сейчас ее можно считать относительной, поскольку сегодня даже в развитых “демократиях” суды часто принимают решения, угодные политической власти. Указанная проблема актуальна и для государств, возникших на постсоветском пространстве. Например, в прибалтийских республиках, хвалящихся своей демократией, суды без тени сомнения выносят вердикты, ущемляющие права сотен тысяч представителей “нетитульного” населения, хотя в западных моделях демократии, на которые ориентируются власти Литвы, Латвии и Эстонии, подобная судебная практика повсеместно считается зазорной. Зависимость судов от правительственной власти наблюдается и в других постсоветских странах, не исключая, разумеется, и центрально-азиатских, причем, она не всегда бывает политической. Так же, как и в партийно-советские времена, повсеместно большую роль играет, так называемое “телефонное право”, порождающее в судах nepотизм, кумовство, трайбальные и “земляческие” пристрастия, взяточничество и т. п. Многие считают такие явления порождением “тоталитарного” советского прошлого. Однако, как документы,

так и их интерпретаторы-ученые свидетельствуют о том, что влияние власти на суд появилось издревле, причем, еще до появления самого государства, когда в патриархальном обществе потестарного периода административная и судебная власть еще не были отделены друг от друга, а представляли собой некое органическое единство. Пожалуй, лишь в “белых” государствах, возникших на основе Британской империи (США, Канада, Австралия, Новая Зеландия и др.) не было в этом плане черт, присущих общемировому потестарному периоду, так как они начинали свое существование как аналог уже сформировавшихся соответствующих институтов метрополии. Но так было в тысячелетней истории стран Западной Европы, России, многих других ныне существующих государств, в том числе и стран Центральной Азии. Выделившаяся из властной “мононормы” судебная функция на долгое время подпала под кажущееся нам естественным (и даже закономерным) влияние административной власти. Это дает основания взглянуть менее конформистски как на проблему разделения властей, так и их единства, в которых мы, в общем-то, не сомневаемся. Есть основания полагать, что механизм взаимодействия власти и суда осуществляется по линии административной (исполнительной) власти, что вполне согласуется с нашим тезисом о том, что именно ей ранее принадлежала судебная функция. Законодательная власть не может вмешиваться в деятельность судопроизводства,

иначе как посредством принятия соответствующих правовых актов. Таким образом, на наш взгляд, проблема вмешательства власти в судопроизводство и оказания воздействия на него есть, прежде всего, вопрос функционирования исполнительной, административной власти. Это подтверждается и теми обстоятельствами, в которых происходило взаимодействие власти и народных судов кочевого населения в царистском Туркестане.

Основной проблемой такого взаимодействия изначально являлось вмешательство туркестанской администрации (в том числе и “туземной”) в деятельность “кочевого” судопроизводства, действовавшего на основе обычного права (адата). Такое вмешательство категорически запрещалось нормативно-правовыми актами царизма, причем, не только по отношению к судам кочевников Туркестана. Это был императивный принцип судебной реформы 1864 г., коренным образом изменившей характер взаимоотношений царской власти и судебных учреждений России. Он получил свое закрепление и во “Временном положении об управлении Туркестанской областью”, утвержденном императором Александром II менее чем через год, после провозглашения вышеуказанной реформы¹. “Туркестанское положение” от 6 августа 1865 г. указывало на то, что ее военный губернатор управляет всеми делами “туземного” населения и “пользуется правом утверждать в должности и смещать с оных лиц из местного населения... киргизских (кочевых – А.С.) родоправителей, биев, манапов, сартовских акакалов, райсов и казиев”² (курс. наш – А.С.). “Положение” также устанавливало право ее “туземного” населения иметь свои суды. И здесь следует отметить один любопытный нюанс, на который всегда мало обращали внимания, так как проблема деятельности народных судов коренного населения царистского Туркестана и по сей день не исследована достаточно серьезно (то есть действительно научным) образом ни по адатным судам, ни по шариатским. Суть его заключалась в том, что, если приговоры кочевых судей-биев не подлежали конфирмации русскими властями, то решения шариатских судов по уголовным делам подлежали утверждению самим военным губернатором области, который, согласно п. 54 этого “Положения” имел право “ограничить” решения судей-казиев, даже если они были приняты на основе строгой “буквы” шариата. Почему? А по-

тому, что некогда господствовавший в системе наказаний в среднеазиатских ханствах шариат давал право судьям-казиям выносить приговоры, которые отличались жестокостью, “несообразной с понятиями о человеколюбии”³. Туркестанский администратор Ю.Д. Южаков писал о том, что русская власть отменила жестокие наказания в судах как казиев, так и биев, которые в дороссийский период были частыми⁴. В “кочевых” судах жестокие наказания и в дороссийский период выносились крайне редко, поскольку обычное право даже за убийство (не говоря уже об увечьях и т. п.) предполагает выплату материального возмещения – куна. Руководитель правительственной “ревизии” Туркестанского края в 1908–1909 гг., сенатор К.К. Пален в своем “всеподданнейшем” отчете писал о том, что “Временное положение об управлении Туркестанской областью” от 6 августа 1865 г. только упоминало о “народном суде” биев кочевого населения – оно предоставляло военному губернатору области право назначения и смещения биев, разрешало им присуждать по адату к различным наказаниям, в том числе и к уплате куна⁵. Однако уже “Туркестанское положение” от 6 августа 1865 г. ввело так называемые “изъятия” из под юрисдикции кочевых судов биев, в частности, они были лишены права рассматривать дела об убийствах, грабеже, разбое, барымте и т. п.⁶. Вместе с тем, по мнению Палена, проект “Временного положения об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях” 1867 г. сделал “большой шаг назад (по сравнению с Положением 1865 г.), вернув в народный суд, неподсудные ему по Временному положению (1865 г. – П.Л.) дела об убийствах, грабежах и баранте, по которым киргизский народный суд присуждал только к уплате куна”⁷. Кстати, его уплата официально прекратилась только с 1 января 1887 г., то есть с того времени, когда вступило в действие новое “Туркестанское положение” 1886 г. Оно передало дела об убийствах среди “туземцев” под юрисдикцию русских судов, действовавших на основе общеимперского законодательства

³ Там же. С. 881.

⁴ Южаков Ю.Д. Итоги двадцатисемилетнего управления нашего Туркестанским краем / Ю.Д. Южаков. СПб., 1891. С. 12.

⁵ Пален К.К. Отчет по ревизии Туркестанского края. Народные суды Туркестанского края / К.К. Пален. СПб., 1910. С. 37.

⁶ См.: Высочайше утвержденное Временное положение об управлении Туркестанской областью. 6 августа 1865 года // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 40. Отд. 1. 1865 год. СПб., 1867. № 42372. С. 876–881.

⁷ Пален К.К. Указ. соч. С. 38.

¹ См.: Высочайше утвержденное “Временное Положение об управлении Туркестанской областью”. 6 августа 1865 года // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 40. Отд. 1. 1865 год. СПб., 1867. № 42372. С. 876–881.

² Там же. С. 880.

“Степная комиссия”, возглавляемая Ф.К. Гирсом и готовившая документы к образованию Туркестанского генерал-губернаторства (края), единодушно одобрила мнение о невмешательстве русских властей в дела “туземных” судов, как шариятских, так и адатных. В § 196 проекта “Временного положения об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях” 1867 г. указывалось, что присутствие волостного управителя на судебных заседаниях кочевых судей-биев допускается, однако “без вмешательства его в суд, под опасением строгой ответственности”¹, а § 200 запрещал это делать представителям русской администрации². Подобного рода нормы были продублированы и во “Временном положении об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях” от 21 октября 1868 г.³ Бывший председатель “Степной комиссии”, выдвинувшей столь радужные перспективы касательно отношений между властью и судом в новом генерал-губернаторстве, сенатор Ф.К. Гирс в 1882–1883 гг. возглавлявший правительственную “ревизию” Туркестанского края, призванную оценить 15-летнюю деятельность кауфмановской администрации, вынужден был констатировать в своем “всеподданнейшем” отчете, что “в непочатой еще стране, среди невежественного народа, научная аксиома, что перевершение окончательных решений расплождает ябеды и вредит народной нравственности находит себе блестящее подтверждение. Дела генерал-губернаторской Канцелярии представляют примеры незаконного отношения администрации к народному суду”⁴ (курс. наш – А.С.). А иначе и быть не могло, поскольку первый туркестанский генерал-губернатор К.П. Кауфман, прибывший в Ташкент 7 ноября 1867 г., после изучения обстановки в крае, приказал собрать представителей от всех “почетных” и “именитых” мусульман на встречу с ним 22 января 1868 г. В этот день он произнес перед ними речь, которая была по сути программной, излагавшей цели и задачи деятельности Кауфмана

на своем посту. Он говорил о том, что до прихода русских в регион здесь царили беспорядки, смуты, грабежи, насилие, отсутствие твердой власти и т. п. “Ради корысти, – отмечал он, – кокандские и бухарские власти нарушали иногда мусульманские законы”, никто не мог быть уверенным в сохранности своей жизни и имущества – ни богатые, ни бедные. При этом Кауфман подчеркивал, что “с тех пор, как наши войска заняли эту страну, русские основные законы защитили сартов”. Для того, чтобы навести порядок в присоединенном крае, царь решил учредить генерал-губернаторство, в котором будет господствовать закон и порядок. Кауфман обещал сохранить все традиционные судебные и иные “туземные” установления, обещая им поддержку русских властей. Он отмечал, что ташкентцы и все прочие коренные жители всего края, за исключением только некоторых преступлений, будут судиться выбранными ими же судьями по шарияту и “обычаю” таким образом, что в их приговоры “не будут иметь право вмешиваться русские чиновники”. Судьи будут получать, по обычаю, от тяжущихся казылык и бийлык. Общества могут, впрочем, назначить им содержание сами, но в таком случае судьи не должны будут получать вознаграждение от тяжущихся за свою работу. При этом он указывал, что если “туземный” народ не поймет “богоугодных” намерений русской власти, то он не получит “хороших законов”, справедливого суда и стабильных гуманных порядков. “Пойдете наперекор правительственным видам, – предупреждал Кауфман, – и тогда власть начнет действовать строго и сильно”⁵. Последующие события подтвердили намерение “первоустроителя”⁶. Несмотря на то, что проект “Туркестанского положения” 1867 г. устанавливал, как отмечалось выше, независимость народных судов от администрации, Кауфман и его “команда” неоднократно нарушали нормы этого документа, причем, безнаказанно, поскольку проект не был законодательно утвержден, согласно существующим тогда на то процедурам. Известный туркестановед, проф. П.П. Литвинов считает, что «Проект 1867 г., содержащий в себе принципы “военно-народного управления” был искусственно “провален” в правительстве, поскольку на недавно присоединенных к империи территориях Средней

¹ Проект Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях. СПб., 1867. С. 30.

² Там же. С. 31.

³ См.: Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – “Временное Положение об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях”. 21 октября 1868 года // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 43. Отд. 2. 1868 г. СПб., 1873. № 46380. § 145, 153, 158.

⁴ Отчет ревизирующего по Высочайшему повелению Туркестанский край тайного советника Гирса. СПб., 1884. С. 335.

⁵ Слова, сказанные Туркестанским генерал-губернатором 22 января именитым людям г. Ташкента. Ташкент, 1868. С. 4, 8.

⁶ “Первоустроителем” Туркестанского края К.П. Кауфмана часто называли как в документах, так и в научных, публицистических и иных публикациях рассматриваемого нами времени – А.С.

Азии, мало изученных и освоенных во всех отношениях, трудно было управлять по законодательно ограниченному в правовом пространстве, жесткому в своих установлениях нормативному акту, тем более, что в единственном регионе страны, население которого на 99,9 % было на то время мусульманским. Нужна была некая административная “болванка”, которая бы позволяла военной администрации Туркестанского края гибко и нестандартно (без оглядки на нормы законодательно утвержденного правительственного “положения”), своевременно реагировать на те или иные проблемы в нем. Одним словом, представлялась настоятельно необходимой возможность административной импровизации, сохранившей значительный рефлекторный потенциал быстрой и адекватной реакции на явления, которые могли не быть предусмотрены законодателем в отношении невидимой (и потому непонятной для него) части “айсберга” среднеазиатского мусульманства. Опыт, нарабатанный за два года управления Туркестанской областью, был и незначителен, и малопонятен... Но нет никаких сомнений в том, что на его основе нельзя было принимать закон – вначале нужен был его “черновик”. Военное министерство и поддерживавший его император Александр II прекрасно понимали, что Кауфман и его администрация в Туркестане уподоблялись разведчикам, отправившимся на задание без карты местности, компаса и мало-мальски точных сведений о ней. И никакой закон не мог заменить их отсутствие. Был только один вариант – действовать методом “проб и ошибок”¹. Как явствует из документов, Кауфман и его администрация активно применяли этот метод, особенно не опасаясь никаких последствий.

Правительственный “ревизор” Туркестанского края в 1882–1883 гг., сенатор Ф.К. Гирс писал в своем “всеподданнейшем” отчете о том, что многие чины администрации Туркестанского края хулят народный суд “туземцев”, считая, что его надо ликвидировать за плохую работу, “и при этом ссылаются на множество жалоб на решения народных судов”². Однако он отмечал, что сам “народ дорожит своим судом, а жалобы есть естественное следствие проигравшей стороны добиваться своего”³. Гирс указывал на то, что администрация

Туркестанского края сама потакает таким жалобам, отменяя приговоры народных судов по статьям 201-й и 232-й проекта “Туркестанского положения” 1867 г.⁴ Гирс писал о том, что, несмотря на запрет статьями 201-й и 232-й проекта “Туркестанского положения” 1867 г. отмены приговоров народных судов, туркестанский генерал-губернатор Кауфман сам их отменял, а, следуя его примеру, тоже делали и военные губернаторы подчиненных ему областей. “Ревизор” отмечал, что Кауфман издал несколько циркуляров, запрещавших отмену приговоров народных судов, однако в феврале 1877 г. он сам издал приказ, предоставивший военным губернаторам областей “право изменять по усмотрению все приговоры народного суда по уголовным делам, в которых определяется наказание свыше трехмесячного ареста”⁵. Гирс писал о том, что проверенные им дела Канцелярии туркестанского генерал-губернатора являли примеры незаконного отношения кауфмановской администрации к решениям народных судов. Он отмечал, что циркуляры Кауфмана особенно активно применялись в Ферганской области, где до его болезни (в марте 1881 г. – А.С.) местный военный губернатор, генерал-майор А.К. Абрамов из 141 приговора народных судов существенно изменил или отменил вообще 39, то есть 28 % от общего числа решений биев и казиев. По мнению Гирса, ферганская администрация “частой отменой решений не только умалила значение народного суда, но и лишила его всякой самостоятельности”⁶. Он указывал, что ферганский губернатор вмешивался в дела народного суда, освобождая от наказания по приговорам тех, кого все “туземцы” считали “людьми дурными, мошенниками и ворами”⁷. Гирс писал о том, что из 27 “туземцев”, приговоренных народными судами Ферганской области к ссылке в Сибирь, эта мера “была утверждена только относительно трех, для остальных заменена кратковременным арестом”⁸. Так, ссылку 5 “туземцев” за изнасилование “сартянки” заменили семимесячным арестом. “Ревизор” Туркестанского края Гирс считал, например, неправомерной отмену военным губернатором Ферганской области приговора народного суда казиев о ссылке бухарского подданного Шари-

¹ Литвинов П.П. Органы Департамента полиции МВД в системе “военно-административного” управления Русским Туркестаном (по архивным, правовым и иным источникам) / П.П. Литвинов. Елец: ЕГУ, 2007. С. 54.

² Отчет ревизирующего по Высочайшему повелению Туркестанский край тайного советника Гирса.... С. 335.

³ Там же.

⁴ Гирс ошибался: проект “Туркестанского положения” 1867 г. был разбит не на статьи, а на параграфы – А.С.

⁵ Отчет ревизирующего по Высочайшему повелению Туркестанский край тайного советника Гирса.... С. 336.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 337.

⁸ Там же.

фа в Сибирь за “богохуление”, указывая, что по шариату оно является “величайшим преступлением”¹. Но это мнение Гирса не выдерживает критики, поскольку до вступления в действие (с 1 января 1887 г.) “Положения об управлении Туркестанским краем” 1886 г. функции прокуроров для народных судов исполняли непосредственно сами военные губернаторы областей Туркестанского края. Таким образом, они имели право выносить протесты

¹ Отчет ревизирующего по Высочайшему повелению Туркестанский край тайного советника Гирса.... С. 336.

на приговоры народных судов и отправлять их на пересмотр, либо вообще отменять их как противоречащие российскому законодательству. Поскольку в последнем не было нормы о наказании людей за “богохуление” мусульманской религии, то ферганский губернатор поступил, на наш взгляд, по закону. Что касается нравственно-религиозной стороны дела, то и она представляется спорной с точки зрения элементарной свободы совести. Но о ней мало кто думал в те времена. *Таким образом, по нашему убеждению, не всякое вмешательство русской власти в дела народных судов Туркестана было негативным.*